

На правах рукописи

Фурман Феликс Павлович

**НАРОДНИЧЕСТВО
КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
И ФИЛОСОФИИ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии**

**Нижневартовск
2003**

Работа выполнена на кафедре философии
Нижевартовского экономико-правового института (филиала)
Тюменского государственного университета

Научный руководитель

доктор философских наук,
профессор **В.Д. Жукоцкий**

Официальные оппоненты

доктор философских наук,
профессор **Б.В. Емельянов,**

кандидат культурологии,
доцент **Л.А. Серебрянская**

Ведущая организация

Институт философии и права
УрО РАН

Защита состоится «11» июня 2003 года в 9⁰⁰ на заседании диссертационного совета КР 212.167.13 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата культурологии в Нижевартовском государственном педагогическом институте по адресу: 628605, Тюменская область, Нижевартовск, ул. Ленина, 56.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Нижевартовского государственного педагогического института.

Автореферат разослан «12» мая 2003 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук,
доцент

С.Г. Гутова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Постсоветская Россия переживает либеральный, отчасти либерально-консервативный, бум: книжные полки заполнены исследованиями и источниками по русской религиозной философии и истории либеральной мысли Серебряного века: «веховцы», в свое время опротестованные русской интеллигенцией, в наши дни предстают настоящими героями, прозревшими истину, которую не ведал никто. При этом не всегда учитывается, что истины прозрения уступают истинам *пути*, то есть практического историко-культурного движения, которое определяет действительную поступь истории. Эти истины связаны с культовой идеей всего русского общества и культуры XIX – XX веков – идеей «счастья народного», как смыслообразующего и культурообразующего начала общественной жизни. Эти идеи нашли свое концентрированное выражение в *народническом движении* – особом явлении русской культуры и философии, характеризующем целостность этой переходной эпохи.

Изучение феномена народничества актуально по целому ряду причин. Во-первых, исследование формирования и развития народничества представляет интерес для изучения исторических особенностей отечественной культуры и философии XIX – начала XX столетий, коллизий, дискуссий и поисков мыслителей этого сложного, во многом противоречивого, времени. После многолетне-го замалчивания и односторонних, идеологических оценок, народничество вновь вызывает интерес и нуждается в новом, свободном от стереотипов и шаблонов рассмотрении.

Во-вторых, влияние народничества на самые разные направления отечественной культурологической мысли – бесспорно. Совершенно справедливо мнение, что «...без анализа народничества не могут быть поняты такие темы, как “Маркс в России”, “богоискательство”, “новое религиозное сознание”, а также главные “манифесты” русского идеализма начала XX в. – “Проблемы идеализма”, “Вехи”, “Из глубины”. Некоторые мотивы народнического понимания России были использованы евразийством...»¹. Следовательно, изучение развития народничества, а также тех влияний, которое оно оказывало, расширяет наше понимание логики развития русской философии культуры.

В-третьих, заявленная тема диссертационного исследования неизбежно ставит вечный вопрос об общественном идеале. Как справедливо пишет В.Ф. Пустарнаков, «опыт России XX столетия показал, что мировоззрение русского народничества предшествующего века не во всех своих частях стало достоянием только истории. <...> Следовательно, изучение истории философии народничества не только является одним из способов пополнения знаний об интеллектуальной отечественной истории, но дает дополнительные возможности ориента-

¹ Маслин М. А. Народничество // Русская философия: Словарь. М., 1999. С. 311.

ции в сложной палитре идейных течений современной России»². В конечном счете, это проблема выбора стратегии нашего культурного развития.

Степень разработанности проблемы. Как общественное движение, оставившее значительный след в истории социально-политической борьбы русского народа за свободу и землю, как особое явление русской культуры и как идеология, соединяющая в один комплекс экономические, политические, социалистические, философско-социологические идеи о самобытности русского пути общественного развития, русское народничество имеет свою почти вековую историю, но и более чем вековую историю своего изучения.

Начало изучения народнического движения в России было положено самими народниками и их антагонистами еще в 70–90-е гг. XIX в. Примером одной из самых ранних работ, посвященных исследованию феномена народничества является книга 1893 года «Наши направления» В.В. (В.П.Воронцова). Многие народники оставили воспоминания, которые можно рассматривать как своеобразный «взгляд изнутри», самооценку собственной деятельности³.

Анализ характерных черт народничества был дан Г.В. Плехановым в его сочинении «Социализм и политическая борьба» (1883), а так же в работе «Наши разногласия» (1885). Плеханов, сам непосредственно входивший в народническое движение, а затем отошедший от него, как никто другой мог дать оценку данному явлению, ибо знал его изнутри. У Плеханова были расхождения по некоторым позициям с народниками. Например, он не согласен с тезисами народников о «самобытности русского исторического процесса», об исторической склонности русского народа к бесклассовому обществу и т.п. Критикуя народничество, Плеханов дает достаточно интересный анализ этого сложного и многоаспектного явления. И хотя позиция самого Плеханова сегодня может быть оценена исходя из разных точек зрения, сам факт анализа феномена народничества достаточно показателен. Полемике с народниками была посвящена работа Г.В. Плеханова: предисловие к русскому изданию книги немецкого философа А. Туна «История революционных движений в России» (1903). Окончательно свое видение народничества Плеханов отразил в сочинениях «Первые шаги социал-демократического движения в России» (1909) и «Неудачная история партии “Народной воли”» (1912). И все же, несмотря на все расхождения во взглядах, Плеханов давал позитивную оценку народничеству: «Русское... народничество выражает взгляды и стремления того общественного слоя, который в тече-

² Пустарнаков В. Ф. Философия народничества // История русской философии. М., 2001. С. 260.

³ См.: Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное: В 2 кн. Берлин, 1923; Антекман О.В. ! Общество «Земля и Воля» 70-х годов Пг., 1924; Дейч Л. Г. Русская революционная эмиграция 70-х годов. Пг., 1920, Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1866; Стенняк-Кравчицкий С. Подпольная Россия. Сочинения: В 2 т. М., 1965; Фигнер В. Очерки биографические // Фигнер В. Полное собрание сочинения: В 7 т. Т. 5. М., 1932. Скабичевский А. Биллетристы-народники. СПб., 1889.

ние трех десятилетий был самым передовым слоем России. В этом заключается главная историческая заслуга названного направления», представители народничества «всегда будут иметь право сказать, что и они писали не даром, что и они в свое время умели послужить делу русского общественного развития»⁴.

Постепенно начинают появляться исследования, посвященные формированию и развитию народничества, его влиянию на общественную жизнь России, на развитие культуры.⁵ В начале XX столетия достаточно активно издаются сочинения народников.⁶ Пропагандирование народничеством идеи свободной кооперации и солидарности, критика идеологами народничества авторитаризма и диктатуры явились причиной для негативной оценки народничества после Октябрьской революции 1917 г. Но, несмотря на начинающиеся тенденции к отрицательной оценке народничества, до середины 30-х годов дискуссия вокруг народничества все же наблюдалась⁷.

В 1935 г. были проведены мероприятия, отражающие отношение власти к народникам: запрещено Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев; закрыт журнал «Каторга и ссылка». Ситуация в дальнейшем развивалась в том же направлении: в «Кратком курсе ВКП(б) не двусмысленно прозвучала отрицательная оценка как либерального, так и революционного народничества; были прекращены издания сочинений основоположников народничества (Лаврова, Ткачева, Бакунина). Можно сказать, и это не будет преувеличением, изучение народничества было остановлено. И все же, несмотря на негативное отношение к теоретикам народнического движения, проза писателей и сочинения поэтов народников издавались⁸.

⁴ Плеханов Г. В. Искусство и литература. М., 1948. С. 510.

⁵ См.: Барриве Л. Е. Освободительное движение в царствование Александра II: Исторические очерки. М., 1911.; Богучарский В. Л. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912, Глинский Б. Б. Революционный период русской истории (1861–1881 гг.): Исторические очерки. СПб., 1913; Русанов Н. С. Социалисты Запада и России. СПб., 1908, Тарле Е. В. Из истории обществоведения в России (Социологические воззрения Н. К. Михайловского) // Литературное дело. СПб., 1902. С. 277–296.

⁶ См.: Бакунин М. А. Избранные сочинения: В 5 т. М., 1919–1921; Кропоткин П. А. Сочинения: В 7 т. СПб., 1906–1907; Он же. Собрание сочинений: В 2 т. М., 1918; Лавров П. Л. Задачи и понимание истории. СПб., 1903; Он же. Собрание сочинений М., 1917–1920; Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений В 10 т. СПб., 1896–1913; Он же. Последние сочинения СПб., 1905

⁷ См.: П. Л. Лавров. Сборник статей. СПб., 1922; Петр Кропоткин. Сборник статей. Пг.-М., 1922; Горев Б. И. Анархисты, максималисты и махаевцы. Пг., 1918; Горев Б. И. Анархизм в России (от Бакунина до Махно) М., 1930, Залезжский В. Анархизм в России. М., 1930.

⁸ См.: Наумов Н. И. Собрание сочинений: В 3 т. Новосибирск, 1939–1940; Нефедов Ф. Д. Сочинения: В 3 т. Иваново, 1937.

В 60-е гг. XX в. можно говорить о постепенном возобновлении интереса к народничеству. Вновь публикуются сочинения народников⁹. Начинаются новые обсуждения роли народничества в русской истории и эволюции самого направления¹⁰. Возрастает интерес и к теории культуры народничества. Публикуются сочинения народников, посвященные вопросам творчества, искусства, эстетики¹¹. В это же время появляются исследования народничества в области его отношения к теории и истории художественной культуры, сочинения писателей и поэтов, относящихся к данному направлению¹². Данные работы, несмотря на то, что они не были свободны от идеологических оценок, все же были прорывом и во многом новым этапом в истории изучения народничества.

С началом перестройки о народниках вновь заговорили и появились новые издания трудов народников¹³, а так же современные исследования развития этого феномена отечественной философской мысли и культуры¹⁴. В современных работах, посвященных народничеству, прослеживается стремление к преодолению шаблонов и стереотипов в оценках, как отдельных личностей так и идей, пропагандируемых ими. В современных учебниках и учебных пособиях для вузов по курсу истории отечественной философии рассмотрение философии народничества занимает значительное место¹⁵.

В последнее время проводятся научные конференции, на которых активно обсуждаются различные аспекты развития народничества и влияния его на рус-

⁹ См.: *Лавров П. Л.* Философия и социология. Избранные сочинения: В 2 т. М., 1965; *Кропоткин П. А.* Великая французская революция 1789–1793. М., 1979; *Ткачев П. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1975–1976

¹⁰ См.: *Волк С. С.* Народная воля. 1879–1882. М.; Л., 1966; *Богатов В. В.* Философия П. Л. Лаврова. М., 1972; *Итенберг Б. С.* Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х гг. XIX в. М., 1965; *Малинин В. А.* Философия революционного народничества. М., 1972; *Пантин И. К.* Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973.

¹¹ См.: *Михайловский Н. К.* Литературно-критические статьи. М., 1957.

¹² См.: *Горячкина М. С.* Художественная проза народничества. М., 1970, *Таратута Е. А.* Степняк-Кравчинский – революционер-писатель. М., 1973; *Мамаевская Т. П.* Идеи и образы русского народничества. Киев, 1975; *Акушин Н.* «По градам и весям» – очерк о жизни и творчестве П. В. Засодимского. Архангельск, 1965.

¹³ См.: *Бакунин М. А.* Избранные философские сочинения и письма. М., 1987; *Он же.* Философия, социология, политика. М., 1989; *Кропоткин П. А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990, *Он же.* Этика М., 1991; *Михайловский Н. К.* Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX вв. Л., 1989, *Ткачев П. Н.* Клады мудрости российских философов. М., 1990.

¹⁴ См.: *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков М., 1995; *Слинько А. А.* Н. К. Михайловский и русское общественно-литературное движение второй половины XIX – начала XX века. Воронеж, 1982; *Шахматов Б. Н.* П. Н. Ткачев. Эпюды к творческому портрету. М., 1981.

¹⁵ См.: Русская философия. учебник для вузов / Редкол.: М А. Маслин и др. М., 2001. С. 234–261.

скую культуру, а так же место данного явления в мировой истории философии и культуры¹⁶. В последние два десятилетия не сокращается интерес к философии народничества, к влиянию, которое она оказывала на русское общество, что проявляется в диссертационных работах¹⁷. Выходят и очень важные работы для понимания феномена народничества – работы, посвященные формированию и развитию общественного идеала в России¹⁸.

На Западе идеи народничества привлекали внимание представителей молодежной контркультуры, движения «новых левых», различных «альтернативных» общественных движений и социалистических учений¹⁹. Важное значение имеют работы западных исследователей, отличающиеся глубоким постижением феномена народничества²⁰.

Несмотря на имеющиеся исследования народничества, можно отметить, что большинство из них рассматривают лишь отдельные аспекты этого сложного и многогранного явления, не ставя вопрос о целостности русской культуры и роли народничества в ней.

¹⁶ См.: *Гарягин А. Н.* Философские обоснования социальной модели П. А. Кропоткина // *Русская философия: многообразие в единстве. Материалы VII Российского симпозиума историков русской философии.* М., 2001. С. 46–49; *Николаева Л. С., Домрачев В. В. М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин: некоторые особенности теоретической концепции анархизма в России в конце XIX в.* // *Персонология русской философии.* Екатеринбург, 2001. С. 167–173; *Харитонова Т. А. П. Ж. Прудон и П. А. Кропоткин: идея справедливости* // *Русская философия между Западом и Востоком.* Екатеринбург, 2001. С. 269–273; *Юдин А. И.* Пророчества Михаила Бакунина // *Человек–культура–общество. Актуальные проблемы философских, политологических и религиоведческих исследований. Материалы Международной конференции, посвященной 60-летию воссоздания философского факультета в структуре МГУ им. М. В. Ломоносова.* Т. 1. М., 2002. С. 192 и др.

¹⁷ См.: *Желенин А. С.* Политические взгляды Михаила Бакунина и Карла Маркса: сравнительный анализ. Автореферат диссертации кандидата политических наук. М., 1999; *Куз Н. В.* Идея «Всеславянской федерации» М. А. Бакунина: социально-философский аспект. Автореферат диссертации кандидата философских наук. М., 1994; *Омаров С. А.* Концепция личности теоретиков партии социалистов-революционеров. Автореферат диссертации кандидата философских наук. М., 1988; *Янгутова Р. Р.* Социальная философия П.Л.Лаврова. Автореферат диссертации кандидата философских наук. Улан-Удэ, 1999.

¹⁸ См.: *Ивонин Ю. П.* Между гармонией и восстанием (проблема социального идеала в русской философии «Серебряного века»): В 2 ч. Новосибирск, 1997; *Керн Л. А.* Проблема социального идеала в российской культуре второй половины XIX в. Екатеринбург, 2000

¹⁹ См.: Лавров – годы эмиграции: Архивные материалы / В 2 т. Дордрехт; Бостон, 1974; *Хорос В. Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980.

²⁰ См.: *Avrich P.* The Russian Anarchists. N.Y., 1978; *Offord D.* The Russian Revolutionary Movement in the 1880s. Cambridge, 1986; *Rock M.* Anarchismus and Terror. Trier, 1977. *Copleston F.Y.* Philosophie in Russia: From Herzen to Lenin a Berdaev University of Notre Dame press, 1986. – 445 p *Goerd Wilhelm.* Russische Philosophie: Zugänge und Durchblicke. Freiburg: Munchen: Alber, 1984, – 768 S. *Offord D.* The Russian Revolutionary Movement in the 1880s Cambridge, 1986

Объект и предмет исследования. В качестве *объекта* исследования выступает все смысловое поле русской культуры и философии второй половины XIX – начала XX вв., взятое в контексте вопроса о народе и народности. Соответственно *предмет* данного исследования стягивает пространство объекта к концептуальному единству понятия *народничества* как феномена русской культуры и философии указанного периода, претендующего на центральный, смыслообразующий вектор культурной эпохи перехода от патриархальности в современность.

Цели и задачи исследования. *Целью* данного диссертационного исследования является изучение народничества как феномена русской культуры и философии второй половины XIX – начала XX вв., несущего в себе потенциал культурно-исторического развития раннебуржуазной эпохи в направлении либеральной и социальной демократизации культуры.

Для достижения этой цели необходимо решить ряд *задач*:

- рассмотреть происхождение и развитие народничества в русской культуре, эволюцию его мировоззренческих форм;
- выявить общие и особенные черты в различных направлениях народничества и установить основные параметры народнической парадигмы;
- изучить народническую концепцию тождества нравственного, культурного и общественного идеалов и ее методологическое значение для современной культурологической мысли;
- установить степень влияния народничества на развитие отечественной культуры, его функционирование в художественной литературе, музыке, живописи, театре, литературной критике;
- проследить феноменологическую направленность народнической мысли в различных проявлениях русской культуры и философии.

Теоретическая и методологическая база исследования. Общую теоретическую и методологическую основу работы составили принципы диалектико-материалистического и сравнительно-исторического подходов к предмету исследования. Это значит, что мы исходим из гипотезы *саморазвития* культурных форм и наличия универсальных доминант такого развития, позволяющих сравнивать и устанавливать общность и различие аналогичных феноменов в разных культурах.

Непосредственную теоретическую базу исследования составила немецкая философская классика, заложившая основы культурфилософского постижения «фактов истории». Это кантовская идея включенности религиозного откровения в логику движения морали как сферы практического разума. Это гегелевская идея саморазвития объективного духа через формы деятельности, включая «формы производства» самой жизни. Это шеллинговская идея философии откровения, синтезирующей старые религиозные формы в новое качество актуального философско-эстетического мифотворчества «единого поэта». Это фейербаховская максима перевода тайнописи теологии на язык антропологии. На-

конец, это марксовская идея постижения культурных феноменов («форм общения») в едином пространстве социума, как социальной материи, а также логики достижения личностной свободы не путем бегства от социальности, а путем ее освоения.

Отсюда вытекает актуальность *социологических* методов выявления и обобщения фактов культуры, – в единстве количественных и качественных оценок, а также степени их зависимости от экономической жизни, ее всепроникающего характера, как это понимали М. Вебер и К. Маркс. *Герменевтические* приемы позволяют выявить в данном исследовании авторскую диспозицию отдельных представителей народничества и меру влияния субъективных качеств на объективный социокультурный процесс. В этой связи особое внимание уделено *экзистенциальным* аспектам анализа жизни и творчества народников, степени их влияния на факты судьбы. *Феноменологический* подход позволяет улавливать смысловые тональности народнической парадигмы даже там, где находится, казалось бы, противоположный народничеству лагерь русской культуры – «государственный либерализм».

В предметно-методологическом отношении в центре исследования стоит проблема соотносительности методологии историко-философского и культурологического исследований. Народничество нас интересует в единстве идеально-содержательной (идейной) и функционально-атрибутивной сторон: что есть народничество в себе и что оно есть для культуры и в культуре; каковы идеи народничества и как именно они воспринимались и функционировали в историко-культурном процессе.

Исследование основывалось на широком спектре разнообразных источников: трудах выдающихся отечественных философов и деятелей культуры, философской периодике XIX–XX вв., на современных исторических, философских, культурологических и искусствоведческих исследованиях, мемуарной литературе, диссертационных и монографических исследованиях, учебно-методических пособиях.

Научная новизна исследования. Впервые в отечественной философско-культурологической мысли народничество рассматривается целостно как универсальный феномен русской культуры и философии второй половины XIX – начала XX веков, альтернативный либерализму и консерватизму, но вбирающий в себя их базовые ценности – личности и традиции. В исследовании рассмотрена эволюция мировоззрения народничества во всех его направлениях и тенденциях; установлено концептуальное единство нравственного, культурного и общественного идеалов в философско-антропологических построениях народников; выявлена феноменологическая многоаспектность проявлений идей народничества в русской культуре. Это позволило представить народничество как смыслообразующее явление всей переходной культурной эпохи – от патриархальности к современности, связанной с консолидацией и развитием национальной культуры на светской основе.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Проведенное исследование существенно расширяет представление о народничестве как феномене русской культуры и философии и впервые переводит его из разряда частного идейного и культурного явления в плоскость универсалии культуры раннебуржуазной эпохи.

Полученные результаты диссертационного исследования, теоретические выводы и разработки могут быть использованы для дальнейших теоретических исследований в области истории русской философии и культуры, а также экстраполяции их на область других национальных культур. Они дают ключ к пониманию культурно-исторического смысла советской эпохи.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы диссертационного исследования могут быть использованы для чтения лекций по курсам истории отечественной философии и культуры, теории культуры, этики, эстетики, а также спецкурсов и семинаров по проблемам русской философии и культуры XIX – XX вв., в лекторской работе.

Апробация работы. Положения диссертации были освещены автором в его выступлениях на Всероссийской научно-практической конференции «Карл Маркс и Россия: рубежи столетий. Третьи Марксовские чтения» (Нижевартовск, 18-19 мая 2001 г.), Региональной научно-теоретической конференции «Человек в философско-правовом измерении. Четвертые Соколовские чтения» (Нижевартовск, 5-6 октября 2001 г.), Региональной научно-теоретической конференции «Человек в историко-философском измерении. Пятые Соколовские чтения» (Нижевартовск, 25 сентября – 5 октября 2002 г.), Всероссийской научной конференции «Мировоззрение и культура» (Екатеринбург, 17-18 декабря 2002 г.), в теоретическом докладе на научно-методическом семинаре кафедры философии НЭПИ ТюмГУ, а также при разработке и чтении учебных курсов философии и политологии в Лангепасском филиале УрГСа. Важные аспекты исследования нашли свое отражение в пяти научных публикациях автора.

Диссертация «Народничество как феномен русской культуры и философии» была обсуждена на заседании кафедры философии Нижевартовского экономико-правового института (филиала) Тюменского государственного университета и рекомендована к защите.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав (пяти параграфов), заключения и библиографии (169 наименований). Объем диссертации – 124 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение. Во введении диссертации определены актуальность темы, постановка проблемы, объект и предмет исследования, степень научной разработанности проблемы, цели и задачи исследования, а также теоретико-методическая база, научная новизна и практическая значимость исследования.

Глава 1. Общее и особенное в народнической парадигме. В главе анализируется происхождение и сущность народничества, взятого в многообразии форм идейного и культурно-исторического проявления. Народничество с самого начала развивалось как разновидность научно-утопического сознания особого рода – ориентированного на деятельное, преобразующее отношение к действительности, на решение социальной проблемы современности. В его основе лежал нравственный идеал, вера в то, что именно Нравственность (Добро) может изменить мир. Эта вера характерна не только для социалистического идеала, но и в целом для русской культуры XIX века. Достоевский в заповеди «смешного человека» вывел максиму: следуй нравственному правилу ... и все устроится само собой. Отсюда понятен и постоянный, устойчивый интерес русской интеллигенции к социальной проблематике в ее нравственном освящении. Как заметил Бердяев, творили не столько «от радости творческого бытия», сколько «от печалования и сострадания о неправде и рабстве человека». Это и был решающий мотив возникновения народнического движения.

1.1. Генезис народничества в русской культуре. В параграфе анализируется процесс становления народничества как заметного явления русской культуры и общественной мысли. Признаки протонародничества отслеживаются уже в начале XIX века в творчестве А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.Н. Радищева, декабристов, а также А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Рост национального самосознания после наполеоновских войн со всей силой поставил вопрос об историческом призвании России и ее культуры. П.Я. Чаадаев лишь заострил проблему. Существовало три вектора для определения культурного идеала. Первый связан с идеализированным образом древнерусской православной святости – у славянофилов. Второй связан с образом высокой западно-европейской культуры и Запада в целом – у западников. И только третий – народнический – вектор был ориентирован не в далекое прошлое и не чужеродное настоящее, а созидаемое будущее русской самобытности, воспринимающей все лучшее, что есть в прошлом и настоящем мирового и отечественного развития.

Неубедительность первых двух векторов обнаружилась очень быстро: в одном случае – по причине откровенного идеализма и идеализаций, а в другом – под влиянием удручающих фактов западного «дикого капитализма», попирающего нравственные устои общества и культуры. Именно это обстоятельство выводило народничество в центр всей идейной и культурной жизни России. Народничество снимало противоположность западничества и славянофильства. Уже декабристы – «Русская правда» П.И. Пестеля – поставили центральный

вопрос всей культурной эпохи «великого перехода»: какие «социальные противорессы» может изобрести человечество «язвам» капиталистической цивилизации? Пестель констатировал, что в западных странах на смену «феодальной аристократии» пришла «аристократия богатства». Россия же не сможет пережить господства «денежной аристократии» и, чтобы избежать худшего, нужно не только отменить крепостное право, но и ввести новый аграрный закон – частичное установление общественной собственности в форме общественного фонда земли.

Именно это неприятие надвигающейся капиталистической цивилизации, с ее нарочитой «буржуазностью», пронизывающее всю русскую литературу и культуру XIX века, и стимулировало народническую парадигму поиска иного пути в будущее, минуя или смягчая капитализм. Концептуально она оформилась в теорию некапиталистического развития, в которой, однако, капитализм сохранял значение быстрого *зародышевого* развития. Герцен по этому поводу писал: «Мы можем и должны пройти через скорбные, трудные фазы исторического развития наших предшественников, но так, как зародыш проходит низшие ступени зоологического существования»²¹.

Главными целями народников были социальная справедливость и социальное равенство. Основа для справедливого общества уже существует в виде русской крестьянской общины – *бывтия в миру*. Выбирая между ценностями сильного государства и народного благосостояния, они неизменно выбирали второе. Самый культ власти был чужд народничеству. Даже радикально-революционное крыло воспринимало «гнет революционного меньшинства», как вынужденную, но временную меру. «Народники, – пишет И. Берлин, – большей частью были истинными демократами; они верили, что любая власть склонна портиться, что любая концентрация власти ведет к стремлению властвовать вечно, что любая централизация – принуждение и зло»²². В этом смысле стремление большевиков создать из государства некую «сверхобщину», не вписывается в каноны классического народничества.

И. Берлин приводит очень тонкое наблюдение: «Несмотря на экономические и социологические акценты, основной тон Чернышевского и вообще народников был нравственным, а то и религиозным. <...> Народники были убежденными атеистами, но в их сознании социализм и христианские ценности уживались»²³. Это в значительной мере объясняет жизненную силу народничества, которое вписывалось в общую логику *секуляризационного процесса* – высвобождения общественного сознания из под церковного диктата, но с сохранением общекультурных христианских традиций.

²¹ Герцен А.И. Старый мир и Россия, письма к В. Линтону // Герцен А.И. Собр соч. в 30 тт. – М., 1954 – 1966. Т.12. С. 186.

²² Берлин И. Русское народничество // История свободы. Россия. М., 2001. С. 314-315.

²³ Берлин И. Русское народничество С. 325.

Этот народнический дискурс атеистической религиозности без труда усматривается в числе общих характеристик русской интеллигенции. Известный православный деятель русского зарубежья Н.И. Зернов писал: «Интеллигенция высободила религиозную энергию нации, собиравшуюся веками под золотыми куполами православных церквей. <...> Интеллигенция исповедовала христианство... без Христа. <...> Интеллигенция презирала Церковь, потому что государство поработило ее и заставило замолчать. Орден интеллигенции взял на себя христианскую пророческую миссию, пытаясь пробудить страну, призывая русских людей самих строить свою жизнь в соответствии с общественной справедливостью, гармонией и миром.»²⁴ Как видно, и в данном случае все то, что говорится о русской интеллигенции в целом, находит свою квинтэссенцию в народнической парадигме. Народничество и было концентрированным выражением интеллигентского духа, а это делало его не просто заметным явлением русской культуры, но и, по сути, центральным и даже смыслообразующим явлением, которое выражало не часть, не периферию культурных процессов, а их целое.

Это подводит нас к выводу о том, что следует различать народничество, как выраженное и достаточно обособленное явление русской философской мысли и культуры, и *народнический дух*, пронизывающий всю их целостность, создающий неповторимую ментальность целой культурной эпохи перехода от патриархальности в современность. Это и есть то, что мы называем народничеством в узком смысле слова и народничеством в широком смысле слова.

В России во второй половине XIX столетия у русской интеллигенции складывается определенное ядро ценностных и мировоззренческих ориентаций, работающих на народническую парадигму. Именно эти обстоятельства и сделали народничество «знаком русской интеллигенции». Можно даже утверждать, что генезис народничества прямо связан с историей становления русской интеллигенции. Как известно, родословная русской интеллигенции восходит к реформам Петра и является одним из ярких свидетельств их результативности. Однако на долю русской интеллигенции выпала не только миссия нести на себе благотворные влияния петровских реформ, но еще в большей степени и великое бремя их отрицательных последствий. Петровская нелюбовь к русской старине, затхлости и невежеству церковной иерархии, его изопренный «западнизм» (если воспользоваться термином А.Зиновьева), как бы подчеркнутый интернационализм, в полной мере вошли в ее родословную. И потребовалась целая эпоха ее собственно русской идентификации.

Впрочем, и здесь мы имеем дело с продуктом Петрова дела. Речь идет о феномене беспрецедентного в мировой истории порабощения Петром собственного народа. И кто же как не русская интеллигенция, вобравшая в себя вкус за-

²⁴ Зернов Н.И. Русское религиозное возрождение XX века. Пер. с англ. 2-е изд., исправ. Париж: УМКА-ПРЕСС, 1991. С. 42, 43.

падной свободы, должна была сказать свое веское слово протеста. Выйдя из господствующего класса русского барства, она встала в решительную оппозицию к нему, всю душу свою отдавая страждущему. В великом деле *народно-освободительного движения* русская интеллигенция видела свое историческое призвание, весь смысл своего существования в русской культуре и истории. Но, чтобы реализовать его в условиях предельно деспотического государства с многовековой традицией самодержавия, нужно было стать «монашеским орденом» (Н. Бердяев). «Тут сказалась глубинная православная основа русской души: уход из мира, во зле лежащего, аскеза, способность к жертве и перенесение мученичества».²⁵ Это во многом объясняет ситуацию, по сути, религиозной адаптации народнических идей в России, а равно и тех общественно-политических образований, которые возникли как ее следствия.

Таков фундаментальный характер генетической линии народничества в русской культуре. Но не менее важным является и историко-философский срез этой проблемы. Он раскрывает народничество прежде всего со стороны его множественности и лишь затем – концептуального единства.

1.2. Многообразие и единство народнической мысли. В параграфе рассматривается идейное многообразие народничества, его структурированность на идеологической основе и наличие общего знаменателя.

Правое – консервативное – крыло народничества, генетически примыкавшее к почвенничеству (Ап. Григорьев, Ф. М. Достоевский, Н. Н. Страхов) представляли П. П. Червинский и И. И. Каблиц. Оба они сотрудничали в еженедельнике «Неделя». Однако основную силу народничества представляли легальные народники левого крыла и центра. Они объединялись вокруг журналов «Отечественные записки» (1868-1884) и «Русское богатство» (1876-1918). Редакторами первого журнала были Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. З. Елесеев. Второй журнал возглавляли Н. Н. Златовратский, Л. Е. Оболенский, Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко. Внесли значительный вклад в развитии теории народничества и такие авторы «Русского богатства» как С. Н. Кривенко, С. Н. Южаков, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, В. В. Лесевич, Г. И. Успенский, А. П. Щапов.

Приверженцы легального народничества не идеализировали народ настолько как это делали консервативные народники. Свои надежды они возлагали на интеллигенцию, при этом стремились найти общее между народными чаяниями и развитием европейской мысли. В параграфе анализируются взгляды ведущих идеологов либерально-революционного, центристски ориентированного народничества – П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. Именно они внесли ни с чем не сравнимый вклад в формирование народничества как центрального явления культурной жизни России во второй половине XIX века.

²⁵ Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 66.

Народничество представлено и другим, достаточно важным и значимым направлением – революционным народничеством, для которого изначально была свойственна устремленность к революции. Ярчайшими представителями этого направления являются П.Н. Ткачев и Н.А. Морозов. Ткачев рассуждал достаточно прагматично. Он указывал, что критерии истины и справедливости – полезность и целесообразность, а не какие-либо абстрактные идеи. Свою же философию он называл «реализмом» (или рационализмом). Реализм, по мнению Ткачева, есть такое мировоззрение, которое отличается реальностью, разумной научностью. Центральная идея Ткачева о *делании* революции воплотилась в ленинизме. Морозов развитие философии связывал с постановкой антропологической проблематики, в основании которой лежит вопрос «Как произошел человек и все его окружающее?». В большинстве своих суждений Морозов примыкал к механистическому материализму. Как и большинство народников, Морозов отдавал приоритет личности перед «абстракцией общества». Психология лежит в основании социологии, а естественным стремлением человека выступает свобода, отсюда Морозов выводит понятие «эволюционной справедливости», как смыслообразующего начала истории.

В народничестве достаточно многогранно развивалось и еще одно направление – анархизм. В параграфе подробно анализируются воззрения ярких представителей анархического течения в народничестве – М.А.Бакунина и П.А.Кропоткина. Русская гипергосударственность не могла не породить болезненной реакции на ее проявления в форме прежде всего теоретического, а затем и практического анархизма.

В заключении даются общие характеристики народнической парадигмы. Ее сила была в том, чтобы быть представленной не только как часть целого, но и как его существенная характеристика. Народнический дух пронизывал все поры русской культуры, он составлял основу широкого «освободительного движения», он был той искрой, которая воспламеняла и облагораживала любую новацию становления светской духовной культуры. Он, безусловно, присутствовал и в «новом религиозном сознании» и в русском символизме и в русском марксизме. И это еще раз ставит вопрос о двух качествах народничества: как особенно-го явления русской культуры и философии, с которым многие спорили и которое со многим спорило, и как такого явления, которое пронизывало все и вся, выполняя функции смыслообразующего начала культурного строительства постпатриархальной России. Это потребовало специального рассмотрения проблемы народнического идеала, интегрирующего нравственное, культурное и общественное.

Глава 2. Тождество нравственного, культурного и общественного идеалов народничества. Проблема тождества (и различия) одна из центральных в классической философии. Она отражает сложную диалектику единства многообразия в мире. Всякое взаимодействие вещей, явлений, процессов включает в себя моменты объединения и разъединения. Но именно принадлежность одной

сущности (существо, сущему) делает различное *тождественным*. Шеллингианский принцип тождества субъекта и объекта один из самых фундаментальных в этой области. Он указывает на принадлежность всякой множественности (и различности) некоему тождеству как целому.

Одна из величайших заслуг народнической философии состоит в разработке этой проблемы применительно к теме общественного идеала. Материалистическое мировоззрение русских народников существенно отличалось от французского материализма XVIII века. Оно обнаружило недостающую последнему гибкость в усвоении деятельностных, *субъективных* моментов материалистически истолкованных процессов жизни. Еще не ведая о философских изысканиях молодого Маркса, народники открыли для себя истины, которые спустя десятилетия были представлены миру в текстах немецкого ученого, социалиста и революционера: «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность чувственность берется только в форме *объекта*, или в форма *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно. Отсюда и произошло, что *деятельная* сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»²⁶.

В этих словах, по сути, выражена философская программа русских народников, которая вылилась в дальнейшем в создание субъективной социологии. Но еще раньше была решена принципиальная проблема тождества нравственного, культурного и общественного идеалов. Развивая либеральную парадигму свободы личности и частнособственнических гарантий этой свободы, они обнаружили ее внутреннюю противоречивость – искусственную противопоставленность личности обществу и культуре. Этот антагонизм личностного и общественного в либеральном образе мыслей вытекал из способа функционирования частной собственности и обслуживающей ее системы власти и права, из восприятия этого способа функционирования как абсолютного и неизменного. Но стоило уточнить, что этот способ носит исторически ограниченный характер и противоречит принципу тождества действительной (не вознесенной на небо) сущности человека, как возникало необходимое основание для народнической парадигмы мысли.

Именно концептуальное признание принципиальной тождественности личности, культуры и общества и заложило основы народнической «мудрости бытия». Не бог, не природа, не общественные или общекультурные законы направляют и подчиняют себе деятельность – мысли и поступки человека. Во всяком случае, не они – главное. Эпицентром человеческой жизнедеятельности выступает *личность*, которая развивается на базе «действительных живых индивидов», как это определил К.Маркс в «Немецкой идеологии». Эта ставка на

²⁶ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М., 1995. Т. 3. С. 1.

индивида и его способность создавать «формы общения», формы взаимодействия с другими индивидами, образует единую методологическую основу марксизма и народничества, долгое время развивающихся параллельно, независимо друг от друга. Во многих отношениях, особенно по части философско-антропологической проблематики, народническая мысль в XIX веке ушла далеко вперед и только в советское время официальный марксизм-ленинизм научился стыдливо использовать (не признаваясь в этом) концептуальные наработки народничества.

Одна из них связана с глубоким пониманием проблемы тождества нравственного, культурного и общественного. Эти три сферы, будучи эмпирически различными, именно в контексте проблемы *идеала* приобретали искомый момент сущностного или родового тождества. В главе детально прослеживается эта проблема с полным сознанием того, что терминологически объединяющим понятием выступает общественный идеал, в котором личность обретает действительную свободу на основе культуры.

2.1. Антропологическое понимание общественного прогресса. Развитие представлений об общественном идеале происходило в ситуации, когда все общество обсуждало возможности социальных перемен. Ожидания эти часто были связаны с учением социализма. Н.А. Бердяев дал предельно лаконичное описание укорененности народнической парадигмы в русской философии и культуре XIX века: «В русском сознании XIX века социальная тема занимала преобладающее место. Можно даже сказать, что русская мысль XIX века в значительной своей части была окрашена социалистически... Все почти думали, что русский народ призван осуществить социальную правду, братство людей. Все надеялись, что Россия избежит неправды и зла капитализма, что она сможет перейти к лучшему социальному строю, минуя капиталистический период в экономическом развитии... Русские умудрялись быть социалистами при крепостном праве и самодержавии»²⁷.

В основе такого воззрения на мир лежал антропологический принцип, который требовал от общественного прогресса соответствия «человеческой природе», логике самосовершенствования человека, его личностного развития. Это и был критерий для определения смысла истории. Историческая роль личности в этом понимании только возрастала. В параграфе анализируется концепция «критически мыслящих личностей» П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, а также ее широкое восприятие, как руководства к действию, среди русской интеллигенции – деятелей культуры и искусства.

Антропологический принцип применяли и к культуре. Формула «искусство – на службу народа» родилась задолго до советской власти. Михайловский придерживался решительной критики теории «искусства для искусства». Он считал, что задача деятелей культуры состоит в том, чтобы они через свои великие

²⁷ Бердяев Н. А. Русская идея. С. 123.

произведения выполняли свое социальное предназначение, а именно: 1) отражали окружающую действительность, выявляя ее противоречия и несовершенства; 2) звали к изменению, к улучшению мира, его законов и порядков. Михайловский постоянно подчеркивал, что истина является критерием искусства – истина изображения и истина идей, пропагандируемых художником. Культурный идеал для него – *правда жизни* в произведении человека-творца. А жизнь – изначально антропологическая категория. Золотой век русской классики был отрефлексирован народничеством как «возвышенное служение идеалу» – логике общественного прогресса.

2.2. Идеал революционно-очищающего действия. Одно из программных положений революционного народничества связано с представлением, что только бунтующий человек в состоянии сбросить с себя всю «мерзость старого мира рабства и унижений». Смысл революции даже не в ней самой, а в ее нравственно очищающем действии. Само право на бунт против деспотии и несправедливости есть основа нравственного здоровья нации. Эти идеи П.Н. Ткачева (см., например, его работу «Набат» 1875 года) созвучны известным положениям Дж. Локка о принципах народовластия, а в XX веке они нашли неожиданное продолжение в концепциях Франкфуртской школы (Адорно, Хоркхаймер, Маркузе). Ткачев убежден, что свобода социальная начинается с нравственного чувства свободы, которое может пробудиться в поработанном народе только через революционное действие.

Другая его идея, кодирующая будущий ленинизм, связана с формулой «делания революции», не дожидаясь когда капитализм крепко встанет на ноги. Поэтому Ткачев считает, что если революция не произойдет в ближайшее время, пока все так не устроено, то Россию постигнет участь капитализма Европы и время коммунизма будет отдалено. И наоборот, в результате революции существующая в России народная община превратится в большую общинно-коммуну, поднимающую достоинство человека труда и науки, и создающую реальную альтернативу существующему.

Литература, как и искусство в целом, должны соответствовать высшим общественным идеалам и их пропагандировать. При этом Ткачев указывает, что и сами авторы художественных творений должны соответствовать тому, о чем они пишут. Для оценки нравственного развития интеллигентного общества недостаточно знать, какие нравственные идеалы проповедует его литература, а нужно еще знать, как сами проповедники относятся к этим идеалам. Считают ли они безусловно для себя обязательным подчинять свою жизнь и деятельность проповедуемым ими идеалам или не считают? Это отношение к своей жизни как предмету творчества и осуществления своего художественного и социокультурного идеала было подхвачено и выражено с особой силой в русском символистском движении начала XX века.

Обосновывая социальное происхождение искусства, Ткачев указывает на генезис эстетических чувств. Именно эстетическое чувство возникает и раз-

живается в нас под влиянием объективных и субъективных условий воспитания, окружающей нас обстановки, наследственных предрасположений, образа нашей жизни, наших занятий и т. д. Следовательно, делает вывод Ткачев, в более совершенном обществе будут развиты более совершенные эстетические критерии и эстетические запросы, и как результат – будут созданы лучшие произведения искусства. Это, по сути, шеллинговский идеал «единого поэта», сформулированный им в «Философии откровения». Но Ткачев делает акцент не на цели, а на пути к ней. Чтобы этот путь начать – нужна революция, дух и порыв ее очищающего действия.

2.3. Анархический принцип самоуправления: личность–культура–общество. Идея будущего человечества и воплощения общественного идеала развития личности и культуры рассматривалась самым пристальным образом и в анархической версии русского народничества. В ее основе – нелюбовь к государству, поработавшему личность. Государство для Бакунина – это неоправданная концентрация власти в одних руках. Бакунин пишет о том, что сегодня необходимо преодолеть даже прекрасные лозунги Великой французской революции, во имя преодоления государства. Он предлагает установить принцип федерализма для всего мира. Европы – в том числе. В связи с этим в его сочинении звучит пророческая идея «Соединенных Штатов Европы». С другой стороны, Кропоткин указывает на принцип равенства как принцип уважения к личности. Он пишет: «Провозглашая наш анархический нравственный принцип равенства, мы тем самым отказываемся присваивать себе право... ломать человеческую природу во имя какого бы то ни было нравственного идеала. Мы ни за кем не признаем этого права; мы не хотим его и для себя». И добавляет: «Мы признаем полнейшую свободу личности. Мы хотим полноты и цельности ее существования, свободы развития всех ее способностей»²⁸. Эта близость к либеральному идеалу не отменяет главного отличия народников – ставки на принципиальное единство общественного и индивидуального.

Любопытно, что даже корифеи либеральной мысли в России не воспринимали этой здоровой диалектики индивидуального и общественного в развитии личности и представляли ее как некое логическое противоречие. В параграфе на примере П.И. Новгородцева и его «Общественного идеала» показано различие либеральной и народнической парадигмы мысли.

Безусловно, существенна руссоистская родословная анархизма, но она не доказывает сама по себе неправомерность строительства общественного идеала – той ценности общественного устройства, к которой должны быть устремлены все наши помыслы. Новгородцев, полемизируя с анархистами, замечает: «В обществе свобода человека неизбежно ограничивается, и совместить наивысшую свободу (личности – Ф.Ф.) с совершеннейшей гармонией общения столь же не-

²⁸ Кропоткин П.А. Нравственные начала анархизма // Кропоткин П.А. Этика. Избранные труды. М.: Политиздат, 1991.

возможно, как нельзя смешать белое и черное без всякого для них ущерба»²⁹. Это значит, что в методологии либерализма личность – это «белое», а общество – это «черное» – по определению, и всяческое взаимодействие между ними, а тем более гармонизация отношений, невозможны и даже нежелательны по причине неизбежного загрязнения белизны личности чернотой общественности. Как известно, эта же методология питала теоретический антикоммунизм или, просто, мировоззренческий антисоциологизм в воззрениях практически всех радикально мыслящих либералов.

Такова, возможно, решающая точка расхождения анархизма (социализма) и либерализма. Последний предпочитает мыслить в абсолютных категориях разделенности личности и общества, которые удастся соединить лишь искусственно – посредством Бога. Анархизм, напротив, погружает проблему в процессуальность реального взаимодействия личности и общества и практической гармонизации отношений между ними, причем степень достижимости (и достигнутой) такой гармонизации обратно пропорциональна степени культурно-исторической потребности в «Божестве» с его компенсаторной функцией. Таким образом, разделенность личности и общества задана не онтологически самой природой, а исторически – суммой естественных и исторических обстоятельств становления человека и культуры: в сфере мировоззрения – авторитетом «Бога», в сфере социально-экономической – капиталистическим неравенством и культом капитала, в сфере социально-политической – обслуживающим это неравенство государством, – правительством и его правосудием. Либерализм в этом смысле невольно стремится увековечить то, что носит исторически преходящий характер.

Это позволяет сделать выводы по главе в целом. *Нравственно-культурно-общественный идеал народничества* есть тип идеала с явно выраженной ориентацией на создаваемое будущее. Его не устраивает онтология разведения личности и общества, общества и культуры на замкнутые, непроницаемые, отчужденные друг от друга сферы. Формирование общественного идеала у народников было связано с представлением о прогрессе как совершенстве социальных отношений и связанном с этим развитием личности. Общественный идеал строился вокруг идеи построения социально справедливого общества и видения особого пути России. Именно Россия должна была стать началом преобразования всего человечества с целью построения совершенного человеческого общежития, построенного по законам справедливости, братства и уважения личности.

Культурный идеал неотделим от общественного. Его задачей является отражение в искусстве действительности и пропаганда гуманистических идей и практик. Цель культуры – социальное служение личности. Таким образом, в недрах народничества сформировалась устойчиво социально и личностно ориентированная культурологическая концепция.

²⁹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале М.: «Пресса», 1991. С. 625.

Глава 3. Народничество и русская культура. Глава посвящена конкретно-историческому рассмотрению «фактов культуры» в сфере художественной литературы и литературной критики, живописи, музыки и театра на предмет присутствия в них народнической парадигмы мысли. Реформы 60-х гг. имели большое влияние на общество и прямо отразились в русской культуре. Народничество как наиболее яркое явление второй половины XIX в., с его идеями борьбы за народное счастье, за освобождение человека труда от угнетения, и эксплуатации, за построение нового общества не могло не повлиять на сознание деятелей культуры, оно и вырастало из его недр.

Именно в XIX веке в России формируется традиция восприятия искусства и особенно художественной литературы в контексте широких общественных и общекультурных функций. В писателе видели и религиозного пророка и философа и законодателя нравов. Политическая жизнь загонялась в глубины научного и литературного творчества, а оттуда взрывалась неистовством террористических актов (судьба Н.Кибальчича). В этих условиях литературно-критическая деятельность оказывалась на перекрестке всех дорог. Ведущие журналы России второй половины XIX века были народнической ориентации: в 60-е годы появляются «Современник», «Русское слово»; в 70-е годы – «Отечественные записки», «Дело», «Слово», «Знания»; в 80-е – 90-е годы – «Русское богатство», «Новое слово», «Русская мысль», «Жизнь»; в 1900-е – «Научное обозрение», «Знамя» и др.

В главе анализируется творческая деятельность литераторов – Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Барыковой, С.В. Ковалевской, В.Н. Фигнер, Н.Е. Каронина-Петропавловского, П.В. Засодимского, В.А. Слепцова, Н.В. Успенского; М.И. Глинки и композиторов «могучей кучки» – М.А. Балакирева, М.П. Мусоргского, А.П. Бородина, Н.А. Римского-Корсакого, художников – И.Ф. Репина, И.И. Левитана, «передвижников» – И.Н. Крамского, Г.Г. Мясоедова, К.А. Савицкого, В.И. Сурикова, в русском театре – произведения Н.А. Островского. Особый интерес представляет осмысление этого творчества в работах В.В. Стасова, П.Н. Милкокова, П.А. Кропоткина, которое подводит к выводу о доминировании народнических идей в русской культуре этого периода.

Именно эта народническая доминанта русской культуры делала невосприимчивыми (неубедительными) казалась бы разумные и взвешенные альтернативы «государственного либерализма»³⁰. Возможно, еще и потому, что сама власть в своем самодержавном самосознании не спешила искать себе стратегических союзников, а малейший намек на союзничество с властью со стороны представителей интеллигенции превращал «бунтовщиков» против великого дела народного освобождения в культурных и политических изгоев. Именно

³⁰ О проблеме либеральной альтернативы народничеству см.: Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург: Изд-во гуманитарного университета, 2001.

такой была реакция русской интеллигенции на выход сборника «Вехи», который только попытался протянуть руку властям перед угрозой глобальной народной революции.

Приговор, который выносили русской интеллигенции авторы «Вех», названные Д.Мережковским «семь смиренных», был слишком суров и неадекватен, чтобы быть воспринятым всерьез. Это собственно и был первый акт разворачивавшейся трагедии русской интеллигенции. Об этой же народнической доминанте русской интеллигенции свидетельствует и другой представитель либерального лагеря – П.И. Новгородцев: «Политическое мировоззрение русской интеллигенции сложилось не под влиянием государственного либерализма Чичерина, а под воздействием народнического анархизма Бакунина. Определяющим началом было здесь не уважение к историческим задачам власти и государства, а вера в сознательную силу революции и в творчество народных масс. Надо только распатать и разрушить старую власть и старый порядок, а затем все само собою устроится – эту анархическую веру Бакунина мы встречаем одинаково у кн. Львова и у Керенского».³¹

Кажется, так далеко народнический дискурс не заходил в оценках современников, чтобы быть представленным даже в лице вполне либеральных лидеров Временного правительства 1917 года. Но это действительно так. Социализм был превращен в универсальный идеал не только в психологии революционных партий, но и в сознании широких слоев русской интеллигенции. Народнический дух витал повсюду, проникая во все поры русской культуры. Именно поэтому всякое сопротивление ему вызывало упаднические настроения декаданса, неуверенность в себе, почти отчаяние от предчувствия неизбежности грядущей социальной катастрофы (ср., например, творчество Л.Андреева). И, наоборот, даже робкое сочувствие ему действовало окрыляюще, вдохновляло на творческие дерзания, давало ощущение возможности невозможного. Таково в основе своей творчество русских символистов, А.Белого, А.Блока, В.Брюсова, Д.Мережковского, Н.Минского, которые, разумеется, не были народниками в узком смысле этого слова, но были невольно захвачены этим народническим порывом русской культуры переходной – от патриархальности к современности – эпохи.

Все это создавало «эффект воронки» – последовательной радикализации позиции носителей «правды народной». Не принятая властью в ее самых умеренных формах,³² она могла только ужесточаться, сначала на уровне интеллигент-

³¹ Новгородцев П.И. Восстановление святынь // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М : Пресса, 1991. С. 566.

³² По мнению французского исследователя жизни и творчества Н.Г. Чернышевского К. Ингерфлома позиция русского революционного демократа на самом деле отличалась предельной умеренностью и несла в себе готовность к общегражданскому диалогу. Власти сами сделали из него мученика, за которым пошли тысячи и тысячи действительных

ского сознания, а затем и народного. Как справедливо пишет П.И.Новгородцев, «русский народ, вступив на путь революции, на путь свободного проявления своей жажды воли, с неизбежной закономерностью *должен был* скатиться к большевизму». ³³ Не встать на этот путь он не мог по двум причинам: как специфически российским, о которых мы уже говорили («историческая мина Петра»), так и общеисторическим, связанным с логикой становления буржуазных общественных отношений, как это было повсюду в Европе – через революцию.

Очевидно, из этого можно вывести еще одно заключение: чем дольше власть упорствует в нежелании проводить необходимые реформы, тем вернее и основательнее дух оппозиции укореняется в культуре – в среде интеллигенции, создавая колоссальную энергию социального и социокультурного взрыва. Именно это накопление кинетической энергии социального взрыва и происходило в России на протяжении более чем полувека во всех порах русской культуры.

Народническая парадигма стала эпицентром этого центростремительного движения в русской культуре. Она захватывала в свою орбиту даже бесконечно далекие, казалось бы нейтральные к народно-революционной теме стремления, делая их функционально полезными для себя. Не случайно, например, В.В.Розанов упрекал «великую русскую литературу XIX века» в том, что она по природе своей «революционерка»; по причине ее исключительного сочувствия к народной теме, а еще более – ее общей нелюбви к властям и какой-то «гоголевской безысходной тоски», а главное – по причине поглощения в себя всего «русского гения», не оставившего ничего для практического обустройства земли русской. Розанов лишь не договаривал, что это был вынужденный *уход* русской интеллигенции в литературу, а затем и в революцию, продиктованный позицией властей.

Вот почему народничество – это не просто феномен русской культуры и философии второй половины XIX – начала XX вв. Народничество – это смыслообразующее начало всей русской культуры данного периода. Очевидно, прав известный исследователь истории русской культуры И.В. Кондаков: дело не в том, что «судьбы русской критики» были по-своему трагичными, «трагизм неразрешимых противоречий несли в себе сама русская культура XIX – начала XX веков как целое». ³⁴ Это был внутренний трагизм народнической парадигмы, вынужденной нагружать явления духовной культуры жесткой политической функцией, невольно противопоставлявшей культуру, как аргумент в политическом споре, самой власти.

В **Заключении** подводятся основные выводы по работе в целом.

революционеров: см. *Ингерфлом К.С.* Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М., 1993.

³³ *Новгородцев П.И.* Восстановление святынь. С. 569.

³⁴ *Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 370.

Положения, содержащие новизну и выносимые на защиту:

1. Народничество представляет собой сложное и многогранное явление в русской культуре и философии второй половины XIX – начала XX вв., включающее в себя ряд направлений: консервативное, либеральное, революционное, анархическое. Основное различие между ними проходит по линии радикализации *народнической парадигмы*, состоящей из нескольких обязательных элементов: 1) научно-материалистического мировоззрения; 2) антропоцентризма, выразившегося в философии личности и оценке ее исключительной роли в историческом процессе, в концепции «критически мыслящих личностей» и революционной деятельности; 3) восприятия народа как абсолютной цели и ценности общественного мироустройства, как активного участника строительства справедливого общества, субъекта и объекта общественного прогресса; 4) ориентации на практику и общий приоритет практического над теоретическим; 5) понимания традиций России как наилучших условий для осуществления социалистических преобразований и построения подлинно гуманного общественного строя.

2. С тех пор как русская светская культура обрела – по итогам западного ученичества XVIII века – внутреннюю энергию развития, она прежде всего должна была обустроить свою нишу, создать свою национальную ауру. Сделать это вне народа и помимо народа как источника и потребителя культурных ценностей невозможно. Вот почему апелляция к народу в русском народничестве была продиктована не столько политическими соображениями (каким-то исключительным пристрастием социализму), сколько внутренней культурно-исторической потребностью. И только упорное сопротивление властей – светской и церковной – этому органическому движению русской светской культуры к народному освобождению и исторической реабилитации толкало народническую парадигму в сторону вынужденного экстремизма народовольческого типа. И все-таки эпицентр этого движения находился не в сфере социально-политической, а в сфере духовной культуры – науки, философии, искусства, их высвобождения из под церковной и самодержавной опеки в контексте глобального секуляризационного процесса.

3. Можно утверждать, что вся русская культура к концу XIX века была проникнута народническим духом. И Достоевский и Толстой, каждый по-своему, были захвачены темой народа в ее социальном, национальном или общекультурном значении, т.е. народничеством в широком смысле. А это были знаковые фигуры в русской культуре. Становление народничества связано с преодолением дихотомии западничества и славянофильства: славянофилам – с их идеалом в *прошлом* Святой Руси, и западникам – с их идеалом в *настоящем* опережающего развития Запада, были противопоставлены народники – с их идеалом *будущего* социального и культурного обустройства России на компромиссной основе сочетания западных заимствований с исконностью своей народной традиции. Решающий ход народнической мысли состоял в умении видеть в факте

отставания исторического и культурного развития России ее преимущество. Это сознание преимущества развития догоняющего в одном отношении, но сохраняющего свою самобытность в другом отношении, стало универсальной смыслообразующей парадигмой русской культуры данного периода.

4. Новый водораздел между народничеством и ненародничеством возник на рубеже веков, на этот раз по критерию *способов продвижения* к этому будущему России. Народнический вектор русской культуры настаивал на революционном характере исторического движения. Причем культивировалась не только идея и практика социальной революции, но не менее радикально истолкованной *культурной революции*, идея духовной реформации, которая и вдохновила «русский духовный ренессанс» Серебряного века. Народнический пафос русской культуры прямо противостоял барству русской власти. Идеологическое столкновение народничества и официального консерватизма приобрело характер столкновения *культуры и власти*.

5. Народнический дискурс присутствует во всех национальных культурах стран Европы Нового времени. Но именно в России он приобретает выраженный, обособленный, самобытный характер осознанного социального и культурного движения. Это продиктовано исключительным сопротивлением властей в деле сокращения культурно-правовой дистанции между господствующими слоями и народом: слишком глубокой была борозда, проведенная петровскими реформами между бытием народа, погруженного в рабство и восточно-деспотический способ управления им, и новым (по сравнению с традиционным «русским барством») господским классом, ориентированным на европейскую культуру и европейски понимаемые идеалы свободы и справедливости. Этот контраст температур в русском социальном геноипе и должен был предопределить возрастающую амбивалентность русской культуры, вынужденной сочетать в себе ценностные полярности. Народничество явилось одним из центральных ее проявлений: оно и притягивало к себе, завораживая глубиной «народного духа», и внушало тревогу возможным проявлением бунтарской стихии, но действовало с какой-то неотвратимостью, заявляя себя повсюду и самым неожиданным образом. Оно создавало особый колорит русской культуры, с ее внутренним демократизмом и дистанцированностью от деспотизма властей.

6. В основе народнического порыва русской культуры лежит исключительный статус ее создателей и носителей – русских интеллигентских слоев. Зажатые между деспотизмом власти и раболепием народа, они видели свое историческое и культурное призвание в возрождении и освобождении народного духа. Народничество и стало той центральной парадигмой русской культуры, которая позволяла надеяться на реализацию этого исторического призвания интеллигенции.

7. Методология народнической мысли исходит из концепции тождества нравственного, культурного и общественного идеалов, которая в свою очередь опирается на идею тождества личности, культуры и общества в историческом и

логическом пределе их совершенствования. Этим она принципиально отличается от методологии либеральной и консервативной мысли, для которой личность и общество образуют онтологические противоположности, а значит, несут в себе непреодолимый антагонизм.

8. Один из важнейших исторических уроков, которые можно и нужно извлечь из истории и логики развития народничества в недрах русской культуры и философии XIX – XX веков, связан с пониманием непреходящего значения социальной проблемы и способа ее решения в идее и практике социального строительства. Социализм есть такая же универсалия современной культуры, как либерализм и консерватизм. Каждый из них имеет свою нишу и свою меру ответственности за будущее человечества.

Научные публикации автора:

1. П.Л. Лавров и Ф. Ницше: философско-антропологическое сравнение // Человек в философско-правовом измерении: Четвертые Соколовские чтения. Материалы Регион. науч.-теор. конф. (Нижевартовск, 5-6 октября 2001). Екатеринбург: Изд. УрГУ, 2002. С. 97-99. (0,2 п.л.)
2. Антропологический принцип русского народничества и марксизм // Карл Маркс и Россия: рубежи столетий: Третьи Марксовские чтения. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Нижевартовск, 18-19 мая 2001). Екатеринбург: Изд. УрГУ, 2002. С. 180-186. (0,3 п.л.) (в соавторстве).
3. Народническая доминанта русской интеллигенции и культуры // Мировоззрение как социокультурный феномен. Материалы Всерос. науч. конф. «Мировоззрение и культура», посвящ. 75-летию заслуж. деятеля науки РФ И.Я. Лойфмана (Екатеринбург, 17-18 декабря 2002). Екатеринбург: Изд. «Банк культурной информации», 2002. С. 271-274. (0,2 п.л.)
4. Русское народничество: проблемы историографии // София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. Выпуск 5, 2002. (0,5 п.л.)
5. Теория «критически мыслящей личности» Н.К. Михайловского // Человек в историко-философском измерении: Пятые Соколовские чтения: Материалы Регион. науч.-теор. конф. (Нижевартовск, 30 сентября – 5 октября 2002). Екатеринбург: Изд. УрГУ, 2003. С. 102-105. (0,2 п.л.)

Из фондов Российской национальной библиотеки

Изд. лиц ЛР № 020045. Подписано в печать 10.05.2003.
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Таймс. Усл. печ. листов 1,5.
Тираж 100 экз.

*Отпечатано в Издательстве Нижневартковского педагогического института
628605, Тюменская область, г.Нижневартовск, ул.Ленина, 56
Тел./факс: (3466) 22-58-22, E-mail: ngrpus@nvarovsk.wsnet.ru*

2003-A

9553

.9553

Из фондов Российской национальной библиотеки